

А в Америке

Сергея Довлатова я не видел никогда в жизни. Хотя слышал о нем еще в конце шестидесятых, хорошо знаю многих питерских, таллинских и нью-йоркских друзей.

«Свобода — тут, читатель — там» — так сформулировал Довлатов свое несколько неестественное положение писателя-эмигранта, при котором нормальное житейское благополучие и почти полная литературная безвестность гарантированы ему в Америке, а громкая слава в сочетании с ненадежностью самых необходимых бытовых обстоятельств ожидают его на давно и не по доброй воле оставленной Родине.

Есть несомненные свидетельства тому, что Сергей Довлатов собирался посетить родные места, набраться новых впечатлений, вкушать плодов нарождающейся славы, ощутить себя писателем именно в той стране, которая некогда настойчиво отказывала ему в признании.

Не получилось. Писатель Сергей Довлатов, как это нередко случалось в российской истории, вернулся на Родину своими книгами. Справедливость, хоть и не впрямую, восторжествовала. В стране, вроде бы переставшей читать, он один из самых популярных авторов. Книжки его исчезают с лотков мгновенно. Его мимолетные, ненамеренные шутки, наблюдения, вызывающие улыбку свою беспощадной меткостью,

расходятся по стране в качестве устного фольклора, как бывало в свое время с фразами Зощенко, Булгакова, Ильфа и Петрова, Жванецкого. Многие вдумчивые читатели признаются, что из всех обретенных русской публикой прозаиков-эмигрантов наиболее душевно близким оказался для них Сергей Довлатов. Писатель, не доживший до славы и признания в родной стране.

Зато свидетелем этой всенародной любви сделалась дочь писателя — Катя Довлатова. Справедливость опять-таки восторжествовала неординарным образом. Любимая дочь писателя, персонаж многих его произведений, она с детства наблюдала за работой отца, с детской прозорливостью догадывалась о муках непризнанности, какие довелось ему испытать.

«Я, как и раньше, лишен всего того, что может ее покорить», — с насмешливой гордостью замечал прозаик. Вечное затруднение мужчин, которые попадают в ту же зависимость от взрослых дочерей, какую испытывали некогда от возлюбленных и жен.

«Вряд ли я стану американским певцом. Или киноактером. Или торговцем наркотиками. Вряд ли разбогатею настолько, чтобы избавить ее от проблем». Что ж, зато он стал знаменитым русским писателем, и ныне Катя, находясь в Моск-

ве, с некоторым удивлением улавливает зримые знаки отцовской славы, которая, как ей кажется, вовсе незаслуженно осеняет ее своим крылом.

Я интересуюсь у Кати, как-то ей ощущать себя дочерью Сергея Довлатова.

— В Америке, откровенно говоря, это не очень чувствуется. Дочерью Курта Воннегута ощущать себя было бы престижнее. Хотя, действительно, американская известность уже начинала приходить к отцу. О нем очень лестно отзывались в прессе американские критики, телерепортеры брали у него интервью. Одно из них я переводила на английский, поскольку отец говорит по-английски свободно, запас слов у него был огромный, но ответственные разговоры предпочитал вести с переводчиком. Так вот, помню, он объяснял американским журналистам, почему в России писатель по традиции и исповедник, и властный дум, и духовный образец...

— А в Америке не так! Конечно, есть авторы, которые пользуются не только известностью, но и моральным авторитетом.

— А не было ли у Сергея Довлатова намерения стать действительно американским писателем. Скажем, попробо-

вать писать по-английски!

— Нет, писателем он, конечно же, ощущал себя совершенно русским. Часто повторял, какое незаслуженное счастье, что я знаю русский алфавит. Прекрасно отдавал себе отчет в том, что аудитория, которая наиболее адекватно и отзывчиво его воспринимает, — в России. Американским литератором, я думаю, стать не надеялся. Я однажды подарила ему майку, на которой заказала рисунок из имен знаменитых авторов: Хемингуэй, Селинджер, Фолкнер и Довлатов. Он очень веселился.

При всем при том книги его в переводах пользовались в Штатах успехом.

— Катя, вы по образу мысли, по воспитанию американка, английский для вас естественнее русского, как вам кажется, точно ли звучит Довлатов в английском переводе!

— Впервые на английский

его перевели Энн Фридмен, с которой отца познакомил Иосиф Бродский. Как раз ее переводы были напечатаны в «Нью-Йоркере», для отца это было целым событием. Энн работала очень творчески, не только юмор ей удавалось передать, но и ритм, интонацию, атмосферу... К сожалению, теперь Энн Фридмен очень больна, а новая переводчица Нина Бьюис нравится мне несравнимо меньше. Это скорее формальный перевод, без тонкостей, без подтекста. Вот почему одну из лучших отцовских вещей, повесть «Заповедник», я хотела бы перевести сама.

— А что вы скажете о переводах прозы Довлатова на язык других искусств? Например, о ее киноверсиях!

— Я видела два фильма, снятые в России по произведениям отца. Один из них «Комедия строгого режима» использует замысел, «ход» одного из са-

не так

мых замечательных и остроумных довлатовских рассказов — о ленинском спектакле в колонии для уголовников. При этом от Довлатова ничего не осталось — ни блистательных диалогов, ни души, ни тонкости. Мне говорят, это кино, у него своя специфика. Согласна. Но зачем беретесь за прозу, если главные ее достоинства вам безразличны?!

Вторая картина — экранизация рассказа «По прямой» — нравится мне больше. Там больше уважения к литературной основе, очень хорош главный герой. Однако я сейчас хочу сказать о другом. В России кинематографисты вовсе не уважают авторских прав. Нас с мамой, прямых официальных наследников Сергея Довлатова, либо вообще не ставят в известность о планах экранизации, либо совершенно не принимают никаких наших претензий к ее замыслу и сценарию. Наконец, мы не можем даже рассчитывать на какие-либо реальные деньги, положенные нам по закону. Судиться же со злыми продюсерами бессмысленно, мы потратим на адвоката тысячи долларов, а потом получим возмещение убытков, которое в переводе на доллары будет равно одной-двум сотням.

У меня есть основания полагать, что к творчеству отца еще не раз будут обращаться российские книгоиздатели, теат-

ральные и кинематографические режиссеры. Пусть им будет известно: во имя соблюдения авторского права они должны будут извещать об этом нашего официального представителя в Петербурге, редактора журнала «Звезда» Андрея Арьева. А в Москве — агентство по охране интеллектуальной собственности — РАИС.

— Личность популярного писателя всегда вызывает обостренный интерес. Тем более такого, кто, подобно вашему отцу, как бы собственную обыкновенную, будничную жизнь претворил в «перл создания». Похож ли был Сергей Довлатов в быту на свою прозу?

— Отец и в жизни был необыкновенно остроумным, артистичным человеком. Это у него наследственное, его родители — театральные люди. Обоим рассказывать. В любой компании легко, без натуги становился ее центром. Вообще не мог существовать без общества, без общения, и люди это, естественно, чувствовали. У нас дома — и в Ленинграде, и в Нью-Йорке — беспрепятственно звонил телефон. Причем снобизм был ему органически чужд. Например, очень дорожил дружбой с Иосифом Бродским, из многих знакомых выделял людей, с которыми ему было интересно говорить о литературе, но разговаривать с продавцом сосисок и кока-колы было ему не менее любо-

пытно. Кого терпеть не мог, так это скрягу. И щедрость у него проявлялась как-то очень естественно. В баре или в кафе спешил заплатить за всю компанию. Всегда всем что-то дарил. Ни одного гостя не выпускал из дома, не вручив ему на память хоть какую-либо милую безделушку. Считал необходимым вести переписку, причем такую, как в прошлом веке, обстоятельную, с подробностями, с разными наблюдениями и соображениями ума... Иногда, словно стеснясь этого, делал приписки: «Простите за мысль...»

Мне кажется, что литературный талант был у отца как бы наиболее точным воплощением его общечеловеческой одаренности.

...Катя Довлатова временно живет в России. Ездит по тем местам, которые запечатлены ее отцом в рассказах и повестях, приглядывается к народу, одарившему писательское воображение богатейшим разнообразием человеческих типов — обязательных, бесшабашных, безумных, неповторимых. На собственном опыте убеждается в правоте отца, объяснявшего американцам особое место писателя в русском сознании и в русской жизни. И, быть может, в своем американском сознании обнаруживает безотчетно некую внезапную близость к этой стране, которую Сергей Довлатов называл «особенной, небывалой».

Ан. МАКАРОВ.

● Катя Довлатова.
Фото А. Карзанова.